

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

Венчание
со страхом

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства *Ольги Рубис*»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Венчание со страхом : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-212302-3

В подмосковных поселках в одно и то же время совершается ряд кровавых убийств. Их зверский характер, необычность орудия преступления позволяют предположить, что в области действует изощренный маньяк. Милиция выходит на след преступника, но погоня остается безуспешной — до тех пор, пока к расследованию не подключается журналистка Катя Петровская.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-212302-3

Пролог

Зеленые ворота захлопнулись без скрежета и скрипа — бесшумно, словно смазанные маслом. Зеленые ворота бетонного забора, опутанного колючей проволокой. И лес вокруг, все равно на миг умолкнувший, насторожившийся, снова ожил, наполняясь птичьим гомоном, шелестом листвы, дальней раскатистой дробью дятла.

В этот ранний утренний час птицы в сырых и сумрачных чашах пели как-то особенно радостно и празднично. Вышедшая из ворот пожилая женщина прислушалась, вспоминая: так же радостно и громко пели птицы в Земляничном Бору на Оке полвека назад. Тогда, летом 41-го, семья женщины жила там на даче, там и встретили 22 июня. В *то* воскресное утро, она до сих пор это ясно помнила, в их заросшем саду заливался черный дрозд и немолчно куковала кукушка, отсчитывая им всем, всей ее большой семье долгую счастливую жизнь.

Женщина вздохнула: и тут из глубины этого леса тоже доносится дальний голос кукушки. Врешь все ты, птица божья. И тогда, в сорок первом, врала своим гаданием — семья-то ведь почти вся полегла на войне — и братья, и дядья, и свояк... И сейчас ты, наверное, лжешь кому-то, птаха, ой лжешь...

Женщина оглянулась на зеленые ворота и тяжело и торопливо пошла прочь по дороге — узкой полосе бетона, проложенной среди хвойного леса.

Спешить ей было куда: электричка не ждет. А другой до полудня на этой тихой лесной станции не увидишь. Эта электричка — дальнего следования, до самой Москвы идет почти без остановок. Самая удобная электричка, а к платформе прибывает в 9.20. Не опоздать бы!

Но торопиться тоже ведь надо с умом. Чай не молоденькая. Женщина сглотнула горький ком в горле: годы

пролетели, старость — не ждала, а пожаловала. Какая уж теперь тут радость? Где она? В чем? Ноги, что ни утро, свинцом наливаются, поясницу крутит к дождю, суставы словно чужие, так и грызет их боль. А глаза без очков точно слепые окна в брошенном доме...

Старость... Седьмой десяток разменять при нынешней-то жизни — это суметь надо. Слава богу, что вообще-то еще на своих ногах ползаешь. И не только ползаешь, а даже работать можешь. Через силу, а можешь.

Из леса снова настойчиво окликнула кукушка. Женщина замедлила шаг. Отдышаться надо. Охо-хо, с этой работой... Правильно дочь говорит: «Бросить надо тебе, мамаша, эту канитель. Все равно всех денег не заработаешь. На покой пора». А где он, покой? Где его сыскать? Работала ведь всю жизнь, весь свой век. Да и деньги тут кое-какие платят. Однако...

Она снова заторопилась: скорее уж на платформу, что ли, скорее бы сесть в поезд! Но сердце сжалось в груди, заныло, требуя, чтобы с ним считались: старая ты кляча, бегаешь все, а бегать отвыкать надо, все равно от гроба-то не убежишь.

Вместе с сердечной болью вернулась к женщине тревога. Та тоскливая, щемящая, что не давала ей покоя ночью, та, что наваливалась на нее всегда, едва только она входила в эти зеленые ворота, закрывавшиеся столь бесшумно и плотно.

И правда, всех денег не заработаешь. Это по нынешним грошовым пенсиям там, конечно, деньги, но... Но *работа* эта...

Ей вдруг вспомнился отец Алексей — настоятель Храма Вознесения, что на Воздвиженке — самой ближней церкви от ее дома. Она посещала церковь нечасто, только по большим престольным праздникам. Да еще в канун смерти родителей, братьев, мужа — записочку подать заупокойную, свечку поставить. А приходя, всегда подолгу слушала отца Алексея, его проповеди. Говорил он чудно, по-старинному. А любимейшим его словом было «богопротивный» — употреблял он его всегда к месту и часто. И слово это, однажды впервые услышанное, прямо по сердцу ее полоснуло. Да, то, что она видит за этими зелеными воротами, этими стенами бетонными, видит почти каждый день, — именно *богопротивное* дело. Иначе и назвать его нельзя. А уж отвечать за него кому-то

на Страшном суде придется. Ох придется гореть за грехи в аду!

А впрочем... Она снова вздохнула и свернула с бетонки на узкую тропку, протоптанную в густом подлеске, — тут до платформы ближе, через лес напрямик, крюк делать не надо. «Впрочем, — размышляла она, — *наши-то* в институте ни в рай, ни в ад, ни в бога, ни в черта не верят. А только в книги свои, машины да опыты. Да еще в эту, как ее... эволюцию».

Она даже сморщилась от отвращения: до чего ж слово богопротивное! От него все и зло. И все мучения этих, *которые в клетках*, тоже от него.

Мудруют над ними почему зря, все опытничают, а о жалости к божьим созданиям не ведают. А про то забывают в ослеплении ума своего и гордыни, что без жалости и милосердия любое божье создание в *тварь* превращается. А над тварью один дьявол властен. Один нечистый крылья свои черные простирает.

Впереди в ельнике застрекотала сорока. Женщина остановилась, пытаясь разглядеть ее среди ветвей. Нет, невозможно. Даже такую яркую белобочку невозможно разглядеть сквозь этот непроницаемый полог переплетенных ветвей орешника, бузины, рябины, боярышника, опутанных куманикой. Даже сквозь такие сильные очки.

Теперь женщина шла медленно и осторожно: место тут топкое, низина, да дождь еще ночью прошел. Вот земля и раскисла. Оступишься в грязь — все ботинки уделаешь. Чисть потом дома-то! А они, ботинки-то, еще хорошие, крепкие. Дареные — дочь дарила: носи на здоровье, мамаша, — удобные, мягкие, самые старушечьи, да к тому же чешского производства.

А сорока-невидимка все надрывалась в вышине, все предупреждала лес — там, внизу, в гуще кустов, идет кто-то незнакомый, неизвестный... «Эх, птица божья, горластая ты, однако! Но голос твой — голос вольный: хочу кричу, хочу молчу. И впрямь — господнее создание. А *наши...* — женщина покачала седой головой, — а *наши-то!* Мудруют над ними — сил нет глядеть, что делают, что вытворяют. Спросишь: да зачем же все это? Отвечают — науки ради. А какая такая наука? О чем она? Радость, что ль, кому принесет? Одни только мерзости богопротивные, против естества, против порядка и природы.

А уж страданий-то сколько от этого, сколько мук

горьких! Сколько воя, рева, визга — оглохнуть можно. Точно в аду с чертями. Точно в аду...»

Ей вдруг стало жутко. Вспомнилась сегодняшняя ночь. Это дежурство треклятое... Как *он* глядел на нее сквозь стальные прутья. Как глядел! Прямо мороз по коже от его дьявольских зенок.

Нет, надо бросать эту работу. Хватит. Домой надо, на кухню, к плите, к внучке прилепяться. Или... если уж все-таки работать — в музей надо перебираться, в гардероб на вешалку. Пусть там каждый день работа, пусть ноги жалеть не придется, зато...

Сорока, трескнув напоследок, точно погремушка, улетела. И тут же ее громкое соло в лесном хоре подхватила кукушка. Женщина прислушалась: ишь ты, разбойница, как наяживает! Нешто загадать тебе, сколько еще годков куковать осталось, сколько кости носить старые по этой старой земле?

Но едва она шепотом спросила: «А мне сколько?», птица умолкла.

Лес кругом был тихий, солнечный. Басовито гудел запутавшийся в траве жук, жиденьким дискантом вторили ему маленькие болотные мошки...

Пожилая женщина шла по тропинке. Вот сейчас и платформа, а там электричка. Лишь бы места были свободные. А то стоять-то до Москвы радость невеликая. А уступить — все равно никто не уступит. Сейчас молодежь пошла дерзкая, неуважительная. Наглая молодежь.

Над тропкой нависали густые ветви кустарника. В плотную его сердцевину не проникали лучи начинавшего припекать июльского солнца. Она миновала куст, старательно обошла лужу, заскользила на топкой глине...

Сзади послышался хриплый вздох. Словно крупное животное набрало в легкие побольше воздуха, чтобы...

Женщина оглянулась. Крик, вырвавшийся из ее груди, отчаянный, хриплый крик удивления, ужаса и боли взметнулся к листве и потонул в ней, словно в изумрудном бездонном море...

А потом наступила тишина, нарушаемая глухими страшными звуками, которых никогда еще не слышал этот подмосковный лес.

Глава 1

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ГЕРОИН?

«Отчего люди не летают?» — Вслед за героиней чеховской пьесы Сергей Мещерский задавал себе этот сакраментальный вопрос вот уже в сотый раз. Автомобильная пробка, наглухо закупорившая Новый Арбат, давила на нервы — тридцать семь минут на июльской жаре — это вам не фунт изюма! Хотя в «Жигулях» открыты все окна, вздохнуть нечем: со всех сторон ползет тошнотворная вонь копоти, бензина, солярки, горячего асфальта, пота и пыли. Куда ни кинь взгляд — авто, авто и авто.

Потерявшие, как и Мещерский, терпение водители выходили из машин, собирались группками, курили, возмущались.

— Что случилось-то? — спросил у Мещерского парень в темных очках и застиранной майке с надписью «Москва — Гавана», с силой захлопнувший дверь обшарпанного микроавтобуса.

— «Бенц» в автобус въехал, гаишника ждут, — пояснил Сергей лениво. Сам он ничего не видел, но весть о предполагаемом ДТП передавалась вдоль всей пробки из уст в уста.

— Ну оттащили бы их! На тротуар бы спихнули! Тут некогда, товар тухнет, а они... — парень сердито плюнул.

— Нельзя. «Марка»-то над каждой царапиной трясется. Деньги из водилы щас вышибать будут, — встрял в разговор шофер черной «Волги».

— Из автобуса много не выжмешь, — парень в майке снял очки и протер глаза — красные от пыли, усталые. — Эти «марочники», слышали, что теперь вытворяют? Собирается целая кодла на «мерсах», едут. Видят «чайника» на приличной тачке. Ну, один обгоняет его, занимает ряд, затем резко затормаживает у светофора, подставляя задний бампер под удар. «Чайник»-то — разиня. Где ему со-

риентироваться? Трах — и вдрызг бампер. Ах-ах, извините, а тут другие иномарки подруливают. И начинают «чайника» долбить: давай деньги, подписывай бумажки долговые. Фонарь поставят, пригрозят. А если платить откажется — мигом «счетчик» включат, а там сто баксов каждый час накручивается. «Чайнику» хошь квартиру продавай, хошь в петлю лезь. Опасно ездить стало путем-дорожкой, скоро все будем как в сказке: «Это хто там?» — «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Мещерский слушал разговор шоферов и едва не клевал носом. Жарко, и охота байки травить? Послышался вой милицейской сирены. Бело-синие «Жигули» с мигалкой лихо промчались мимо по тротуару.

— Слава те господи, хозяин трассы пожаловал. Щас растащат, — молвил водитель «Волги».

Мещерский облокотился на руль. Часы на приборной панели показывали половину третьего. Все. Пообедать он уже не успеет. А есть так хочется! Нет, ну отчего люди не летают, а? Сейчас бы крылышки расправить и порх-порх, как моль, как майский жучок, над всеми этими четырехколесными железяками воспарить к облакам и полететь в Никитский переулок, в Главное управление внутренних дел Московской области, где ждет его девочка Дюймовочка, которой он срочно понадобился. Эх! Как в этой самой «Дюймовочке»? «Я ж-ж-жук-дж-ж-ж-жентльмен, хочу на вас ж-ж-жениться...» Да...

Но самое-то главное в том, в этом ГУВД есть *буфет!* Шлепнуться бы жуком на буфетную стойку, сложить натруженные крылышки, налакаться бы сока вишневого всласть и засть все это крохой сахарной булочки! Эх, отчего только люди не летают!

Сегодня утром ему позвонила Катя, милая, милая Катя — самая замечательная девушка Западного округа столицы — и елейным голоском попросила его приехать в ГУВД: «Сереженька, голубчик, без тебя никак. Тут у нас такое дело, такое дело! Проходят по нему африканцы, срочно нужен переводчик. Ты подъезжай часика в два, мы пообедаем, а к трем их привезут в розыск для беседы, и ты нашим переведешь, что они наврут, ладно?»

Ну как отказать милой девушке, к которой ты хорошо, ну просто *очень хорошо* относишься? Никак невозможно. И вот, бросив все дела в Российском турклубе, где вот уже полгода готовится беспрецедентная экспеди-

ция по Центральной Африке, Сергей Юрьевич Мещерский, словно мальчишка (во-во, точно пацан зеленый), бежит, едва только его поманили, нежно обозвав *голубчиком*.

А буфет в ГУВД закрывается ровно в половине третьего! Чтоб его с такой пунктуальностью! В ТАССе, между прочим, круглосуточный. И на Петровке когда-то был тоже.

Машины впереди тихонько тронулись. Шоферы быстро затоптали окурки и разбежались по кабинам. Через десять минут Мещерский уже мчался по Новому Арбату. Сделал поворот у Манежа, затем еще один — на Большую Никитскую. А вот и ГУВД — желтенький, строгий, солидный. Две минуты спустя Мещерский уже звонил Кате из бюро пропусков.

— Приехал? Умница, — голос Катеньки — ласковый и довольный, — сейчас я скажу им. Алло, здравствуйте, это капитан Петровская. Пресс-центр ГУВД. Там пропуск нами заказан, есть, да? Спасибо большое.

Катя встречала его на КПП возле неулыбчивого мальчика в милицейской форме, в бронежилете, с автоматом. Катя — как всегда, свежая, сияющая. И опять на высоких каблуках! Мещерский от души проклинал эту новую моду: толстый увесистый каблук умопомрачительного размера. Катя и так Дюймовочка рослая — все сто семьдесят пять сантиметров да каблук семь-девять. Вот и считайте. А в человеке, который ну просто очень хорошо к ней относится, — всего сто шестьдесят пять...

— Катюш, я...

— Есть хочешь, знаю, — она явно собиралась поцеловать его в щеку, но вдруг, к его великой досаде, передумала: в официальном учреждении сотруднику милиции полагается вести себя официально — чопорно и солидно. Все нежности — дома. — Но ты опоздал, Сереженька, я и так тебя заждалась. Потерпи. Ты на голодный желудок понять-то их сможешь?

— А что, собственно, произошло? — Мещерский вслед за ней шел к лифту.

— Сейчас расскажу.

Пресс-центр ГУВД располагался в просторном светлом кабинете: машинки накрыты чехлами, компьютер отключен. Тишь да гладь.

— Все в отпусках — лето. Остались я, Горелов да телеоператор, — пояснила Катя. — Они на брифинг выезд-

ной сегодня укатали. ГАИ проводит по постам Ярославского шоссе. А произошло, Сереженька, вот что. Наши из Управления по борьбе с наркотиками решили тоже ударить автопробегом по разгильдяйству и притоносодержательству. Больше всего их сейчас интересует наркотик героин. А среди его распространителей в области — знаменская преступная группировка. Знаменских героинщиков здорово на той неделе почистили. Прихлопнули четыре притона.

— А сколько сейчас грамм героина стоит? — поинтересовался Мещерский.

— От девяноста до ста условных единиц в КВВ — конвертируемой валюте. Только — шшш-шш! Никому. Так вот. Содержали все четыре притона девицы — подружки «крутых» из ОПГ. За день выручали на четыре-пять тысяч и сдавали в «общак». Самим только на чулки выдавалось лайкровые да на мартини по пятницам, — Катя презрительно сдвинула темные бровки. — Наши стали допытываться: откуда героин? Те сначала кочевряжились, потом признались: брали у негров из Торгового центра в Лужниках. Ну, наши, естественно, туда.

Там представительство фирмы по экспорту кофе из Республики БОЛЕ. Белозубые менеджеры в ослепительной фланели от Ферре. Ничего, мол, про наркоту не знаем, торгуем мы в России кофе. А если желаете нас допрашивать, ни по-русски, ни по-английски показаний давать не будем, а будем беседовать только на родном. Я вот записала, какой он у них, — она раскрыла блокнот, — язык народности барба. Это с ума сойти просто! А по закону мы обязаны предоставить им переводчика, знающего именно их *родной* язык. Ну, наши, естественно, приуныли. А я... я сразу вспомнила про тебя. Ты на этом барба говоришь?

Мещерский, некогда с отличием закончивший Институт Азии и Африки имени Патриса Лумумбы и почти восемь лет проработавший на Ближнем Востоке и в Северной Африке, раздумчиво почесал подбородок.

— Боле — это бывший Невольничий Берег, там сложная языковая группа: восемь диалектов, у каждого племена — свой.

— Они людоеды, да? — Глаза Кати сверкали любопытством.

— Да нет, с чего ты взяла? Все это сказки глупые. Язык

барба, конечно, сложный, но, думаю, понять я их сумею. В случае чего объяснимся на родственных диалектах. К тому же суахили всегда выручит. Ладно. Попробуем.

Катя поднялась.

— Тогда идем. Они у Петрова в кабинете.

Мещерский шел по коридору главка, застеленному красной дорожкой. Осматривался: все чин-чинарем, как и полагается в солидных учреждениях. Навстречу попался народ — все больше офицеры в милицейской форме с папками и бумагами. «Присутственный» день — в кадры, в ХОЗУ, к начальству приезжают ходоки из районов. Вот мимо прошла группа бравых парней в тельняшках и камуфляже из комендантского взвода, за ними еще какие-то — еще выше, еще плечистее. Мещерский оглядел их и надменно выпятил грудь. Ишь ты, баскетболисты!

— У нас соревнования намечаются областные по боевой и физической. Самые-самые идут, — пояснила Катя, — Горелову репортаж придется писать с физкультуриветом.

— А Колосов где? — поинтересовался Мещерский и улыбнулся в черные усики.

С Никитой Михайловичем Колосовым — начальником отдела уголовного розыска по раскрытию убийств и тяжких преступлений против личности — Мещерский в близком знакомстве не состоял, однако наслышан о нем был много. Однажды они едва не встретились, когда судьба подкинула им всем один странный и загадочный случай.

— Он в районе с утра. Сегодня день ужасный. Убийство какое-то в Каменске. Все туда уехали. Я ничего пока не знаю, только слухами питаюсь. В сводку пока не дали. Что-то нехорошее там, — Катя закусила губу.

— Когда убийство хорошим было? — Мещерский вздохнул. — Этот кабинет, да? — он толкнул дверь. — Здравствуйте.

Из-за стола стремительно поднялся полный молодой мужчина. Волосы его отливали медью, круглое лицо испестрили веснушки. Улыбка у него была приятной, взгляд — быстрым и внимательным.

— Добрый день, проходите. Спасибо, что откликнулись. Сергей Юрьевич, да? Мне вот Екатерина Сергеевна говорила, — он крепко пожал Мещерскому руку. — Что бы мы без вас делали? Знатоков таких головоломных языков

днем с огнем не сыщешь. А нас закон по рукам-ногам спутал: кровь из носа — достань им переводчика с *родного*. Катя вас ввела в курс дела?

Мещерский кивнул.

— В общем, разговор пойдет о наркотиках, Сергей Юрьевич. О героине. Но для разминки поговорим вначале о кофе, о налогах, госпошлине и таможенных тарифах. Это не слишком сложно будет?

— Ну, в языке барба некоторых подобных слов, я думаю, просто нет, — сказал Мещерский. — Но попробуем кое-что спросить на аджа, кое-что на фульбе — это родственные диалекты. Думаю, пойдем друг друга.

— Тогда в бой. «Шоколадки» в соседнем кабинете маринуются. Там представитель фирмы и двое тех, на кого нам девчонки указали как на поставщиков героина. С каждым будем беседовать отдельно, с глазу на глаз.

И они беседовали и на языке барба, и на фульбе, и на аджа. Петров задавал вопросы, Мещерский переводил, а трое щеголеватых, надушенных и не в меру веселых уроженцев бывшего Невольничьего Берега по очереди отвечали.

Катя тихонько заглянула в кабинет: беседа длилась вот уже третий час. По лицу Петрова видно, что он вконец обалдел от этих гортанных вопросов и щелкающих ответов на тарабарском языке, в котором он ну ни черта не понимал!

— Что он сказал? — поминутно спрашивал он Мещерского. Тот с каменным выражением лица, точно Будда Невозмутимый, переводил.

— Сергей Юрьич, пожалуйста, скажите ему: я не удовлетворен беседой. В понедельник в одиннадцать им придется приехать сюда же в Следственное управление к следователю Седовой Лидии Борисовне. А вы сами-то сможете в одиннадцать?

Мещерский тяжело вздохнул.

— Только к двум я должен быть свободен.

— О чем разговор! Я и так у вас в неоплатном долгу! Но — сочтемся, — Петров подмигнул. — Банька, рыбалка, охота в Подмосковье. Все за нами — только скажите когда. Если мы эту банду международную зацепили да наших «бичей» из Знаменска к делу подколем, то... в ножки вам поклонюсь!

Мещерский вежливо улыбнулся и снова заговорил на языке барба.

Негры слушали родную речь с интересом. Изредка одобрительно цокали языками. Затем один — самый главный — встал и обратился к Петрову с длинной прощественной речью.

Катя прикрыла дверь и вернулась в пресс-центр. Вечер на дворе, а они никак не угомонятся. Зато материал первоклассный. Она из этой операции конфетку сделает. Так распишет, так... «Щупальца Невольничьего Берега», «Нити знаменской мафии тянутся в страну Лимпопо».

А «шоколадки», ишь ты, как окрылились — героин к нам прут. Мало нам своей заразы! Однако забавный народ! — она усмехнулась. Дело уголовщиной пахнет, а вид у них такой, что, кажется, стукни тамтам — сразу в пляс пустятся. Африка — загадка для европейцев.

Ей вспомнился эпизод из далекого прошлого: фестиваль молодежи в восьмидесятых. Катя — тогда студентка юрфака МГУ — работала на фестивале переводчицей. Английский у нее был приличный, и ее прикрепили к группе австралийских студентов, разместившихся в гостинице «Берлин». Славные были ребятки, эти австралийцы. Душевные и простые. Пить только любили.

В клубах различных землячеств они, помнится, знатно тогда повеселились. И в клуб «Франция — СССР» нанесли визит. А председателем его был тогда Вадим Кравченко — молодой и красивый сотрудник КГБ (в те времена это тщательно скрывалось).

Нет, с Вадей они познакомились не на фестивале. Это произошло гораздо позже. Когда они и не подозревали о существовании друг друга.

А в том клубе ее подопечные австралийцы познакомились с делегацией из Ботсваны — расцеловались, поклялись в вечной дружбе и выпили на брудершафт. А на следующее утро ботсванцы завалились в гости в «Берлин». Хотя в то лето в Москве стояла такая жаркая погода, как на их родном экваторе, ботсванцы тщательно кутались в шерстяные кофты, носки и гетры. На одном, самом модном, даже красовалась лыжная шапка с помпоном.

Как давно это было. Словно сон... И фестивалей нет, и «Берлин» перестроен и переименован в «Савой»... Но Африка, Африка все та же. Эти весельчаки, однако, цену

героину знают, и на легкую победу над ними рассчитывать не приходится.

Катя откинулась на спинку стула. День сегодняшний какой-то бесконечный. От машинки она не отрывалась с утра — репортаж делала, потом решала филологические проблемы Петрова, потом... И это убийство в Каменске... Что же там такое произошло?

Позвонила приятелям своим старинным — Сергееву — начальнику Каменского ОУРа, а тот еще даже не возвращался. Целый день на происшествии.

Ира Гречко — закадычная подруга и старший следователь — вообще ничего не знает. И в сводке ни словечка. Что же там стряслось? Кого убили-то? Почему все так секретно? Надо узнавать. Иначе грош тебе цена как сотруднику пресс-центра, Екатерина Сергеевна...

Хлопнула дверь. Вошел Мещерский. Измочаленный и несчастный.

— Все. Умереть — уснуть. Меня доконали. Сейчас этот колониальный вождек толкнул такую речугу — мы с Петровым едва живы остались. Там одних эпитетов восемнадцать, и все в осуждающем тоне. Я упаду, усталый, голодный и небритый, у ваших ног, Екатерина Прекрасная. Неужели вы не спасете меня?

Она уже энергично собирала вещи.

— Тебя спасет кусок жареного мяса. Ужинать пора.

Скорбный лик знатока языка барба просиял.

— Так почему, значит, грамм героина и каково его действие на нетвердые умы? — поинтересовался он.

Катя только махнула рукой.

Глава 2

ДВА УБИЙСТВА В ОДНИ СУТКИ

Тот, кому никогда не доводилось выезжать на место происшествия, узрев выражение лица Никиты Колосова, начальника отдела убийств, и услышав его смачные непечатные восклицания в ответ на сообщение дежурного: «В лесном массиве у железнодорожной станции Новоспасское обнаружен труп женщины в возрасте 70 лет», — подумал бы, что перед ним — самый черствый и непро-

бываемый сыщик на свете. Лицо Колосова выражало крайнее раздражение, а изрекал он мрачные и многообещающие ругательства по неизвестному адресу. Сутки начинались просто ненормально: в 8.30, когда он после дежурства по главку только-только собирался ехать домой, заявили об убийстве мальчика на свалке в Каменске. Теперь же, когда он с ребятами уже подъезжал, пробиваясь через грандиозную пробку на Новом шоссе, к этому подмосковному городку, дежурный по рации передал еще и об убийстве старухи в Новоспасском.

На оба места происшествия Колосову требовалось ехать лично, это было просто необходимо. Убийство в Новоспасском сулило много неприятностей — он уже чувствовал это всеми печенками. Опять чертовщина какая-то. Неужели снова встретимся там с...

Колосов кусал губы, крутил руль, пытаясь втиснуть отделовские «Жигули» в образовавшуюся щель между воняющим соляжкой бензовозом и рейсовым «Икарусом». Справа и слева ему возмущенно сигналили. Майор даже не удостоил наглецов взглядом.

А убийство мальчика? Там тоже ситуация аховая, даже те скудные факты, что передал дежурный, говорят о многом. И вот надо быть сразу в двух местах. Обязательно надо. А тут — хоть разорвись! И эта пробка еще...

— Мы почти уже приехали, — подал голос Владислав Коваленко — старший оперуполномоченный Никитинского отдела. Они с Колосовым были одногодки, обоим исполнилось по тридцать четыре года. Оба носили на погонах майорские звезды. А посему считались *стариками*: более половины сотрудников «убойного», как его называли на главковском сленге, отдела составляли энергичные, настырные и наивные лейтенантики от двадцати двух до двадцати пяти.

— Никит, тут прямым ходом по улице Новаторов пятнадцать минут. Это Шанхай местный, трущобы. Они от шоссе до самой Братеевки тянутся, — пояснил Коваленко. Он был родом из Каменска. — Хочешь, двигай с ребятами на своих двоих, а я машину попытаюсь вытащить из толчеи. Тут мне до моста надо только дотянуть, там поворот под эстакаду. Я к вам подскочу.

Колосов открыл дверь машины, вышел, огляделся. Впереди, сзади, в первом ряду, в третьем — грузовики, легковушки, автобусы. Вон «Скорая» застряла: мигалка све-

тит, а толку! Эх, люди, — «рожденный ползать летать не может».

— Ладно, Слава, мы пошли, — сказал он, — свяжись по радию с Борисовым. Скажи, я закончу здесь и сразу поеду в Новоспасское. Пусть там сами пока работают, но... В общем, скажи: я все равно туда приеду.

— Да тут недалеко, — ободрил Коваленко. — Это ж наше дачное место. Тут езды минут двадцать по шоссе.

— По такому? — спросил Никита мрачно, указав на дорожную пробку, хлопнул дверью «Жигулей» и в сопровождении двух оперативников начал протискиваться между нагретыми солнцем капотами к тротуару автобусной остановки.

Улица Новаторов, заросшая липами и бузиной, вилась по окраине Каменска. С давних пор место это называлось «Шанхай». Здесь доживали свой век старые бревенчатые бараки, некогда предназначенные для пленных немцев, работавших на постройке шлюзов на Московском водоканале.

Сейчас бараки разрушались. Сквозь выбитые в незапамятные времена стекла лезли внутрь сырых сумрачных помещений ветки ольшаника и барбариса, пышно разросшихся в некогда ухоженных и обустроенных военнопленными палисадниках. Дощатые полы прогнили и провалились, сквозь зияющие дыры проросли крапива, лопухи да чертополох.

В стороне от Шанхая, за шоссе располагался микрорайон новостроек. Там кипела жизнь, туда переселился последний обитатель улицы Новаторов. А здесь... здесь все было в прошлом.

Спуск к водоканалу, некогда укрепленный бетонными блоками, обветшал. Старой искрошившейся от времени лестницей из светлого песчаника давно уже, кроме кошек да воробьев, никто не пользовался. Одни грелись на солнце на старых плитах, другие — чирикали, дрались. И тем, и другим никто не мешал. Старые дуплистые липы скрипели, роняя листву на изъязвленные ямами и выбоинами тротуары.

Улица Новаторов упиралась в овраг, отгораживавший заброшенную свалку и служивший естественной границей старого Каменска. Овраг этот старожилы обходили стороной. Издавна это было любимое место собачьих свадоб. Со всех концов города в определенные дни сюда

устремлялись стаи бродячих псов — рылись в отбросах, затевали яростные турниры. Всякий пришелец — будь то человек или животное — встречался ими как кровный враг. Днем собак почти не было видно, зато по ночам, особенно в полнолуние, их вой оглашал пустынную улицу, вгоняя в холодный пот случайно забредших на свалку бомжей и пропойц.

До свалки Колосов и его сотрудники добрались действительно быстро.

— Тебе стометровку бегать, Михалыч, — пыхтел Вася Славянкин — низенький крепыш в пестрой рубаше и черных джинсах. В розыск он пришел из армии и все никак не мог привыкнуть ни к гражданской одежде, ни к бешеному ритму новой службы. — Дай отдышаться.

— Сейчас отдышишься, — пообещал Никита.

Они завернули за угол напрочь сгнившей развалюхи с провалившейся крышей и по крутой тропинке, продираясь сквозь заросли каких-то колючек, спустились в овраг.

— Вон и благородное собрание, — Никита указал направо.

Примерно шагах в двухстах от них на дне оврага стоял канаречный «уазик» с мигалкой — дежурная машина Каменского ОВД. Рядом с ним в кустах бузины приткнулся облупившийся «Урал» с коляской. Мотоцикл этот Колосов узнал бы из тысячи. На нем добрый десяток лет ездил старинный школьный кореш, а ныне старший участковый Каменского ОВД Костя Загурский. За кустами мелькнула его милицейская фуражка. Хозяин «Урала» шел навстречу Колосову.

— Здорово, — он протянул Никите огромную, похожую на совок, ладонь. В Загурском было огромно все — от роскошных «фельдфебельских», как он хвастался, усов до начищенных до зеркального блеска сапог сорок пятого размера.

— Чегой-то вы из кустов к нам подкрадываетесь? — спросил он. — Машина, что ль, заглохла?

— Угадал, — Колосов пожал его «пять» своей левой рукой, правую он держал в кармане куртки. Рядом с гигантом Костей он всегда чувствовал себя так, как та мышь, которая породила гору. — Где?

— Там, — участковый кивнул на кусты, — там всё и все. Полный сбор всех частей. Карпыч приехал с чемода-

ном, прокуратура. А ты левой стал, гляжу? Приемчики на ком-то обрабатывал?

Колосов кивнул и двинулся к кустам. Вот уже неделю он предпочитал здороваться именно левой рукой. Правую пришлось облечь в перчатку. На тыльной стороне его кисти внезапно вскочила какая-то гадость: фурункул — не фурункул, язва — не язва. Вид у этой заразы был самый наиотвратительнейший.

«Это у вас экзема, голубчик, — сказала ему пожилая врачиха в главковской медсанчасти. — От нервов все, нервы не бережете, а такой молодой. Насчет заразы не бойтесь, это совсем не опасно. Хотя неприятно... да... вот мазь. Мажьте утром и вечером, но главное — попытайтесь хоть немного эмоционально разрядиться».

Пижонистая кожаная перчатка (это в июле-то месяце!) доводила Колосова до зубовного скрежета — жарко, кожа мокрая, скользкая. А что поделаешь? Он не забыл еще испуганно-брезгливого взгляда молодой женщины в троллейбусе, когда она дала ему талончик, прося пробить, а он пробил и вернул его ей, держа правой рукой *без перчатки*. Нет уж, подальше от таких взглядов! А то еще в лепрозорий загремишь.

За кустами бузины пряталась круглая, сплошь заваленная мусором полянка. Чего там только не было! Консервные жестянки, прохудившиеся чугунные ванны, разбитые унитазы, пустые бутылки, тряпки.словно вырванный зуб великана, белел воткнутый в кучу хлама холодильник с вывороченным нутром. Тут же нашел свой последний покой и остов древнего «Запорожца» — без салона, колес и двигателя — ржавое привидение, порожденное на заре отечественного автомобилестроения.

У «Запорожца» толпился народ. Колосов знал многих. Вон Александр Сергеев — начальник Каменского ОУРа, старичок-судмедэксперт и местный патологоанатом Бодров Лев Карпович, следователь прокуратуры Зайцев, эксперт Сеня Гольцов со вспышкой. Тут же понятые — из дежурных общественных помощников. Толстый рыхлый мужик в спецовке, бледный, потный, потерянный, смотрит куда-то вниз, под несуществующие колеса «Запорожца», второй — парень в спортивном костюме упорно считает травинки у себя под ногами.

Колосов кивнул следователю Сергееву и шагнул вперед. Судмедэксперт Бодров — Карпыч, кряхтя, начал